

РАЗДЕЛ 4

НАУЧНЫЕ И ВНЕНАУЧНЫЕ СПОСОБЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ

В. И. Курашов
г. Казань

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАУЧНЫХ, ФИЛОСОФСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

При рассмотрении такой обширной проблемы необходимо в первую очередь структурировать область анализа. Ниже будет развернут план изложения и анализа вопроса с точки зрения гносеологии, эпистемологии, онтологии, этики, психологии и истории.

1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В этой части мы обращаемся к традиционной проблеме соотношения «веры и знания». Несмотря на почтенный возраст этой проблемы, сформулирована она некорректно, в ней мы не найдем подразумеваемой дихотомии научно-философских и религиозных учений. Кроме того, стоит заметить, что вера в Бога сама по себе еще не есть религиозность, как известно бесы тоже веруют и трепещут. Религиозность предполагает не только веру в существование Бога, но и любовь к нему и следование его заветам.

Анализ научных, философских и религиозных учений показывает, что «вера» как недоказуемое рационально-эмпирическим путем знание (убеждения, постулаты, аксиомы) и «знание» как доказуемое рационально-эмпирическим путем знание — присутствуют во всех трех формах учений о природе и человеке.

Действительно, с одной стороны, даже такие исконно научные области знания как математика и естественные науки в своих основаниях покоятся на постулатах и аксиомах. Ф. Ницше верно заметил, что не истина нуждается в доказательствах, а доказательства нуждаются в недоказуемых истинах. С другой стороны, религиозные учения основаны в заметной части на результатах исследований исторической науки, лингвистике, логике, герменевтике и философии. На логико-философском уровне создавались варианты решения теологических проблем природы добра и зла, теодицеи, доказательств бытия Бога, Святой Троицы.

Здесь также целесообразно вспомнить и о варианте демаркации, но не противопоставления, религиозных и научно-философских знаний в учении о двойственной истине Ибн Рушда. Ибн Рушд считал, что не следует сводить воедино эти различные области миропонимания, но следует признавать их каждое в своей сфере. При этом сам Ибн Рушд, похоже, предпочтение отдавал истинам, выводимым на основании логики Аристотеля. Так, он писал в труде «Рассуждение, выносящее решение относительно связи между философией и религией», что если силлогизм приходит в противоречие с религиозным учением, то в этом случае требуется аллегорическое толкование религиозного учения.

Далее, с одной стороны, Бог непознаваем во всей своей полноте Абсолютного бытия. Протагор говорил: «О богах ничего не могу сказать — и вопрос темен, и жизнь коротка». Но это не только позиция сомневающихся или атеистов, то же утверждает и апофатическая теология. Ее родоначальник христианский теолог Тертуллиан в труде «О прескрипции (против) еретиков» писал: «Итак, что Афины — Иерусалиму? Что Академия — Церкви? Что ереси христианам? ...В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины — после Евангелия» (Прескр. 19: 21). С другой стороны, непознаваемы во всей полноте и природа, и человек в атеистическом научном мировоззрении (о пределах рационально-эмпирического познания природы и человека см.: Курашов, 1995б; 1999)).

Существенно отметить также, что важная область философской теории познания — герменевтика (учение о познании смысла текстов) и зародилась, и сформировалась в недрах религиозной философской мысли патристики и Средневековья в результате синтеза научно-философских знаний, особенно логики Аристотеля, и теологии. В итоге герменевтика сформировалась как научно-философское знание со всеми атрибутами системности и преемственности по линии Шлейермахер, Дильтей — в XIX в. и Гадамер, Хабермас и др. — в XX в. В этой части следует отметить, что для теологии более полезны не столько философские учения близкие к теологии по своей онтологии, сколько философские учения с развитой методологией построения, деконструкции и анализа понятийных систем.

Философия для теологии так же, как и для науки, является не источником знаний о мироустройстве, а источником обогащения познавательного инструментария, используемого при толкованиях Священного Писания и священных преданий в теологии и организации познавательной деятельности и знания в науке.

2. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вначале я ограничу названную задачу только дефинициями сходства и различия науки, философии и религии в эпистемологическом смысле. Такое ограничение уже резко облегчает проблему демаркации данных явлений человеческой культуры, имеющих, конечно, не только эпистемологический, но и духовно-культурный, социально-политический, юридический, экономический и др. статусы. Вопрос о сходстве и различии научных, философских и религиозных учений детально проанализирован мною в ряде работ (см.: Курашов, 1995а; 1995б; 1998; 1999), и здесь я приведу итоговые результаты.

Принципиальная и инвариантная черта научного знания, научного учения — это его системность (не объективность, не общезначимость, не логическая непротиворечивость, не эмпирическая обоснованность). Отсюда получается, что поскольку все философские и религиозные учения представлены в форме той или иной системы, то все они в этом смысле научны и вместе с этим взаимосвязаны по форме — *все научные, философские и религиозные учения есть системы знания о природе и человеке*.

Другая черта научного учения, как правило, ему свойственная, — это его преемственность. Это выражается известным «принципом соответствия» — новое учение в данной области включает прежнее учение в этой же области как свой предельный или частный случай. В этом смысле мы имеем уже возможность установить эпистемологические отличия названных трех областей знания — научные учения почти все преемственны и изменчивы (не догматичны); философские учения только отчасти преемственны (от одной философской системы к другой переносятся только отдельные проблемы и их решения) и соответственно они весьма догматичны; религиозные учения практически не преемственны и догматичны (новшества и отклонения в них резко порицаются как ереси).

Замечу дополнительно. Если определить теологию как сугубо рациональную часть религиозного учения, то можно, думаю, сказать, что теология — это философская система с фиксированной онтологией (например, для иудаизма, христианства и мусульманства — это библейская книга Бытие). В религиозной онтологической системе есть вопросы отчасти доступные научно-философскому рациональному обоснованию (например, доказательства бытия Бога), частично доступные философскому метафизическому мышлению (например, Пресвятая Троица), или мистические явления недоступные ни рациональному научно-философскому, ни ме-

тафизическому философскому подходу (например, чудо воскресения Иисуса Христа).

3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В вопросах о том, как устроен мир и каковы его динамические и статистические свойства, — много темного, неясного, неизвестного и в конкретных науках о неживой и живой природе, т. е. в естествознании. При этом, конечно, в вопросах познания актуального, т. е. современного, мира материальных объектов естественные науки с ренессансного периода шаг за шагом завоевали приоритет в познавательной системе «наука — философия — религия». При этом надо заметить, что наука, в том числе естествознание, развивалась не без взаимосвязи с религиозными учениями. Так, историк Жак Ле Гофф высказывает мысль, что схоластический метод Средневековья заострял интеллектуальный инструментарий, приводил к более тщательному анализу учений авторитетов, помогал осознать и принять возможность существования разных мнений, помогал не принимать нечто новое только как пугающее. Жак Ле Гофф высказывает интересную мысль и о том, что прогресс науки и техники тормозился прежде всего догматическим мышлением ученых-профессоров, а не теологами-схоластами. Он пишет: «Рождающаяся схоластика попыталась установить связь между свободными искусствами и механикой, между науками и техникой. А университетские профессора относили себя к социальным группам, гнушавшимся ручного труда. Последствия разрыва теории и практики были во многих областях огромны. Физики экспериментам предпочитали Аристотеля, медики и хирурги вместо вскрытий предпочитали ссылаться на Галена» (Ле Гофф, 1992).

В итоге ренессансная наука и техника вышли на траекторию поступательного развития. При этом теология, также вопреки распространённому убеждению, оказывала на ренессансную науку не только тормозящее воздействие. Так, например, существует обоснованное мнение, что концепции абсолютного пространства и времени классической механики были идейно обусловлены как личными теологическими пристрастиями Ньютона, так и общей философско-религиозной атмосферой философии и теологии с их учениями об Абсолютном бытии. Религиозная идейная вдохновленность Ньютона видна также по его высказыванию в «Математических началах натуральной философии» о том, что его механика показывает гармонию мироздания, установленную ею Творцом.

Надо сказать, что, при всех современных успехах позитивных

наук, наиболее важные вопросы науки, философии и религии, т. е. принципиальные вопросы человеческого познания мира, остались равным образом предметом всех областей человеческого знания:

1) Есть ли в мироздании Высшее разумное существо, или Абсолютное бытие?

2) Почему и как произошли Вселенная и Человек?

3) Какой будет конечная судьба Вселенной и Человечества?

4) Что есть человек и в чем смысл его существования?

5) Какова природа нравственных поступков человека?

Вначале следует сказать, что вопрос о существовании Бога вполне научный. С логико-методологической точки зрения у нас нет никаких оснований считать человека наиболее разумным существом во Вселенной и нет никаких оснований отвергать возможность существования Творца всей Вселенной (см. об этом: Курашов, 1999).

Фома Аквинский в труде «Сумма теологии» писал, что «нет никаких препятствий, чтобы те же самые предметы, которые подлежат исследованию философскими дисциплинами в меру того, что можно познать при свете естественного разума, исследовала паряду с этим и другая наука в меру того, что можно познать при свете божественного разума». Фома Аквинский, следуя этой программе, привел пять доказательств бытия Бога. Эти доказательства могут быть предметом научно-философской критики, как это и сделано Кантом, но сами по себе по форме эти доказательства представляют собой взаимосвязь философских и религиозных учений. Причем в отношении доказательств бытия Бога мы имеем случай диалога мировоззрений происходящего в сознании одного человека. Действительно, религиозный человек не нуждается в доказательствах основ своей веры, иначе он не был бы религиозным. Философ же при постановке вопроса о научно-философском доказательстве бытия Бога встает неизбежно на философскую позицию сомнения, переоценки ценностей. При постановке проблемы он переходит от догматического религиозного учения в сферу свободного и критического философского мышления, а затем, если доказательства представляются ему убедительными, он возвращается вновь в сферу религиозного учения.

Религиозные люди не нуждаются в дополнительных доказательствах существования Бога сверх Священного Писания, так же, как физики не нуждаются в дополнительных доказательствах того, что Земля вращается вокруг собственной оси.

Научные, философские и религиозные учения всегда сходились на общем вопросе происхождения Вселенной и человека. В

религиозных учениях этот вопрос однозначно решается догматически; в философских — либо критически, либо метафизически; в научных — гипотетически. В наиболее популярной в современном научном сообществе гипотезе-теории «Большого взрыва» проблемы происхождения Вселенной, или природы изначальной сингулярности, или, проще говоря, проблемы, как и почему возникла Вселенная, представляются неразрешимыми. Здесь вновь проблема «Самого начала» становится в равной степени научной, философской и религиозной.

Наряду с проблемой «Самого начала» предметное поле для взаимосвязи всех областей знания дают вопросы происхождения сложности во Вселенной, в том числе жизни и человека. Несмотря на большие успехи в теоретическом оснащении эволюционных теорий (генетика, молекулярная биология, информатика, общая биология и т. п.), они не в состоянии объяснить, как возможно порождение простым более сложного, а этим сложным еще более сложного и т. д. — от простейших атомных систем до простейших живых организмов, а о них к человеку.

В наше время эсхатологический и этический аспекты взаимосвязи науки, философии и религии сблизились настолько, что этот вопрос следует рассмотреть особо как характерный феномен современного состояния человечества.

4. ЭТИЧЕСКИЙ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Нравственное поведение человека, природа добра и зла не находят оснований в конкретных позитивных науках. Этика является безусловным приоритетом философских и религиозных учений. Как хорошо известно, Кант в своей «Критике практического разума» не смог обосновать необходимость нравственных поступков человека без допущения существования Абсолютного бытия — Бога. Отсюда исходит его знаменитое высказывание о том, что он был вынужден ограничить знание, чтобы освободить место вере.

В силу этого, рассматривая данный аспект проблемы, мы можем рассматривать только взаимосвязь философии и религии. История этой взаимосвязи велика.

В религиозной философии особое место занимал вопрос рационального постижения природы добра и зла. Это связано с тем, что философски мыслящий человек должен был найти объяснение парадоксальной ситуации существования зла в мире при всемогущем, всезнающем и всеблагом Боге. Результатов рационально-философского осмысления этой проблемы немало, но важно, что все они именно результат приложений философских учений к религи-

озным учениям. Так, например, в результате философского анализа Августина Аврелий пришел к утверждению, что мерой добра является мера бытия, а мерой зла — отсутствие бытия. Другими словами, по Августину, понятие «зло» тождественно понятию «ничто», а Абсолютное добро есть Абсолютное бытие, т. е. Бог. В отличие от него Фома Аквинский утверждал, что зло есть необходимый элемент гармонии сотворенного Богом мира.

В наше время наука и технология пришли к неизбежному взаимодействию с философскими и религиозными учениями в связи с эсхатологическим характером экологической проблемы (см. Курашов, 1995а). Без привлечения философского и религиозного мировоззрения призывы к сохранению природы и жизни на Земле не находят убедительных обоснований с научной точки зрения. Действительно, если человек распадается на бездушные атомы и молекулы, а также из них собирается в результате последовательных процессов фотосинтеза и биосинтеза, то какая может быть у современного человека нравственная забота о будущих поколениях, например, о 41, 141, 1441-м и т. д., поскольку с чисто естественно-научной точки зрения сейчас они не более чем бездушные атомы и молекулы. Принципы и нормы этики относятся к взаимоотношениям живого человека с живым человеком. С религиозной точки зрения любое поколение и прошлого и будущего есть результат предвечного замысла, а сама природа создана такой, что в заключительный шестой день творения «и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1: 31). Отсюда уже можно вывести этический императив, что человек не имеет права лишать жизни ни себя, ни других людей и в настоящем, и в будущем, а это связано с сохранением благоприятной для жизни окружающей среды и для современников, и для будущих поколений.

5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Общей чертой всех принципиально различных картин мира в каждую историческую эпоху: мифологической теогонии и политеизма античности; монотеизма и гелиоцентризма Средневековья; гелиоцентризма и механицизма Ренессанса и Нового времени; эволюционизма XIX—XX вв. — является их практически полная завершенность. Это же справедливо для своим путем сменяющих друг друга разнообразных философских онтологий: стихий Милетской школы, чисел пифагорейцев, Единого Бытия Элейской школы, извечного мира идей Платона, перводвигателя Аристотеля, Логоса стоиков, Первоединого неоплатоника Плотина, монад Лейбница, Абсолютного духа Гегеля, Воли Шопенгауэра и т. п. Фено-

мен представлять картину мироустройства в завершённом виде связан с психологической необходимостью преодоления человеком архетипического страха перед чуждым и неизвестным ему внешним миром. В силу этого во все времена человек, живя в преходящем и изменчивом мире, стремился к наиболее устойчивым, т. е. догматическим, учениям. В этом психологическом отношении религиозные учения наиболее привлекательны для души человека. Подчеркнем, что здесь мы выделили чисто психологический аспект тяготения во все времена многих людей к религиозным знаниям.

Фундаментальный вопрос: «Что есть истина?» выходит за рамки данного раздела.

6. Исторические циклы взаимосвязи науки, философии и религии

Теперь реконструируем общую картину взаимосвязи научных, философских и религиозных учений в интеллектуальной истории человечества. В истории европейской культуры можно увидеть волнообразное сближение и расхождение науки, философии и религии:

Сближение: древнегреческие мифы и теогонии до VIII—VII вв. до Р. Х.

Расхождение: философия и наука Древней Греции и Древнего Рима в период от VII—VI вв. до Р. Х. по III—IV вв.

Сближение: религиозная христианская и арабо-мусульманская наука и философия от II—III вв. до XIV—XV вв.

Расхождение: ренессансная наука и философия от XIV—XV вв. до XIX—XX вв. (Ф. Ницше: «Бог умер»).

Сближение: постнеклассическая человекообразная наука и философия второй половины XX — начала XXI в.

Дополнительно нужно назвать факторы сближения науки, философии и религии в наше время, поскольку для остальных периодов они либо общеизвестны, либо названы выше. Факторы эти связаны с актуальностью следующих междисциплинарных проблем: происхождение Вселенной, долговременное последовательное возникновение из простого сложного, конечная судьба человечества, проблемы биомедицинской и экологической этики, все более раскрывающаяся человекообразность научного знания.

В данном контексте речь идет о сближении и расхождении науки, философии и религии в отношении к ним как к сферам познания мира. Что касается религиозности, духовности, нравственности и других социологических и культурологических измерений

соответствующих исторических периодов, то они находятся вне основного предмета нашего анализа.

Ле Гофф, 1992: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 376 с.

Курашов, 1995а: Курашов В. И. Экология и эсхатология // Вопр. философии. 1995. №3. С. 29–36.

Курашов, 1995б: Курашов В. И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний. М.: Наука, 1995. 283 с.

Курашов, 1998: Курашов В. И. *Prima Elementa* научного познания. Казань: КГТУ, 1998. 160 с.

Курашов, 1999: Курашов В. И. Философия и российская ментальность. Казань: КГТУ, 1999. 300 с.

О. О. Никитина
г. Томск

О НЕРАСТОРЖИМОМ ЕДИНСТВЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Установление постнеклассической модели науки, характеризующейся тенденцией к интеграции знаний, пересмотром концепции объективизма, постановкой социокультурной проблематики и др., обусловило изменение самого образа науки. Рациональность перестали считать синонимом науки, поэтому предполагают наличие данного компонента в других областях знания. Уже не подвергается сомнению тот факт, что процесс формирования научной картины мира имеет как внутринаучную, так и общекультурную основу. Поэтому создание научной картины мира может основываться на неявных смыслах и концептуальных образованиях, которые наука извлекает из мифологии, искусства, религии.

На современном этапе развития общества в качестве парадигмы знания безусловно выступает наука. Если основываться на анализе соотношения религиозного, художественного и научного способов мироосвоения в предшествующие эпохи, то нельзя не отметить их взаимовлияния. Осмысление существования этих традиций в XX — нач. XXI в. показывает значительное усиление данной тенденции. Подтверждением тому служат многочисленные теоретические изыскания и практические результаты отечественных и зарубежных ученых, художников и религиозных деятелей [1, 3, 6, 8, 11, 14–16]. Действительно, понимание соотношения научной и ненаучных форм познавательной деятельности в соответствии с признанием альтернативности, антиномичности и диалогичности познавательного процесса является гарантом многосторон-